

Светлана Ковальчук

Историк и его история: Роберт Юрьевич Виппер

*История не только наука,
но также искусство.*

Р.Ю. Виппер

Как коротко возможно охарактеризовать российского, латвийского историка Роберта Юрьевича Виппера (1859—1954)? Блестящий знаток античности (истории, философии, права, религии) и культуры Востока, исследователь европейской и мировой истории. В вопросе познания истории, постижения ее сути оставил о себе память как последователь духовного наследия Дж. Вико¹, как жесткий критик теорий исторического оптимизма или теорий прогресса (И.Г. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса). В 1924 году судьба привела его в Латвию, в аудитории Латвийского университета. Роберт Юрьевич умело использовал историческую ситуацию независимого молодого Латвийского государства, которая позволила ему быть решительным, бескомпромиссным в вопросе германофильства в латвийской историографии. Более того, в исследовании крестьянского вопроса удачно продолжил стезю немецких просветителей XVIII столетия, публицистов XIX столетия Г. Меркеля² и Ю.Ф. Самарина.³ Многолетний опыт Виппера как ученого-архивиста дал окружающим его молодым латвийским историкам творческий импульс к углубленным исследованиям богатейших рижских архивов XVI—XVIII веков. И последнее. Профессор Виппер — один из представителей малочисленной группы русских эмигрантов, которые с почестями вернулись в СССР в мае 1941 года.

Личная история историка Виппера

Сведения биографического характера о Роберте Виппере содержатся в его архивном деле в Латвийском университете. Посему обращусь к статье верного ученика проф. Р.Ю. Виппера — М. Степерманиса⁴, опубликованной в 1939 году. Для ее написания Степерманис использовал биографическую справку, написанную рукой самого Виппера, прекрасно дополняющую сухое архивное личное дело профессора.

Историк Роберт Виппер родился 2 (14) июля 1859 года в семье московского учителя, обрусевшего немца, Виппера Юрия Францевича (1824 – 1891) и его супруги Шарлотты Георгиевны (1841–1874), урожденной Туртвенглер. Роберт

Виппер стал первым из шести детей в семье Випперов. Юрий Виппер, как и его супруга, были лютеранского вероисповедания, принадлежали к тем потомкам выходцев из Германии, которые за долгие десятилетия, проведенные в России, сроднились, срослись с нею.⁵ Юрий Виппер происходил из семьи ремесленников, но сумел окончить Московский университет. Будучи талантливым преподавателем географии, физики, математики, стал также автором учебных пособий по физике, издал несколько научно-популярных произведений. За заслуги на педагогическом поприще в 1880 году Юрий Виппер получил дворянство. Он следил за всесторонним развитием старшего сына, передал ему не только пристрастие к научной работе, педагогический талант, но и особое увлечение к рисованию географических и исторических карт.

Роберт Виппер получил предварительное образование в доме родителей и поступил сразу же в 3-й класс классической гимназии при Лазаревском институте. Гимназию окончил с золотой медалью в возрасте 17 лет и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В.О. Ключевский, А.А. Шахов, В.И. Герье были современниками и учителями юного студента. Он окончил университет в 1880 году со званием кандидата истории. Педагогическая практика началась в 1881 году в Школе живописи, ваяния и зодчества в Москве, преподавал он и в Училище ордена Св. Екатерины, позже читал курсы истории в Николаевском женском училище, частной гимназии первого разряда Пуссель на Покровке, возможно, и других учебных заведениях. Перечисляя учебные заведения, хочется подчеркнуть то, что несомненный талант молодого педагога начал оттачиваться задолго до занятия кафедры в Новороссийском университете.

Только через семь лет он сдает магистерские экзамены, затем еще 4 года ожидает права преподавания в университете в качестве доцента. Правда, 1885/1886 учебный год при материальной поддержке семьи он проводит в университетах Берлина, Мюнхена, Вены, Парижа. К написанию магистерской диссертации приступает почти через 10 лет после окончания университе-

та — в 1891 году, в 1894 году ее заканчивает. В эти же годы начинается его карьера в Московском университете в качестве приват-доцента. Випперу очень помогло участливое отношение проф. Герье, объявившего для историков тему научного исследования «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движение 16 столетия» с целью соискания премии имени замечательно историка Сергея Соловьева. Молодой ученый был готов к выдвинутой для научного состязания теме, поскольку уже начал работать в этом направлении. В 1892 году он дополнительно съездил для архивных исследований в Женеву по теме диссертации — «Церковь и государство в Женеве в XVI веке в эпоху кальвинизма». Научный уровень работы, написанный на 686 страницах, был оценен очень высоко. Защита диссертации состоялась в мае 1894 года и, несмотря на серьезные аргументированные замечания, стала победой молодого ученого. По настоянию профессора В.И. Герье Роберт Виппер сразу получил и степень магистра, и степень доктора, кроме того, и значительное денежное вознаграждение — стипендию размером в 1000 рублей имени прославленного историка Соловьева. В том же году научное исследование Виппера в московском издательстве было опубликовано. Вскоре защита диссертации подтвердилась переходом на новое место работы в Новороссийский (Одесский) университет, где Роберт Виппер становится экстраординарным профессором. Однако уже в ноябре 1897 года он предпочел вернуться на должность приват-доцента в стены родного университета в Москве, где начался новый виток его преподавательской и научной деятельности. С 7 августа 1899 года стал экстраординарным, с 1901 года — ординарным профессором университета, и эту должность, согласно данным личного дела, занимал вплоть до 9 февраля 1922 года.

Не миновали Роберта Виппера и перемены в личной жизни — во второй половине 1880-х годов состоялась женитьба на Анастасии Васильевне Ахрамович (1863–1915). Одаренная, волевая супруга стала надежной опорой Роберта Юрьевича. Вскоре родился сын Борис (1888–1967), впоследствии также принесший славу фамилии Випперов.

За десятилетия, проведенные в Московском университете, профессор Виппер подготовил множество лекционных курсов (основных и по выбору), среди них курсы по философии истории, общественным идеям и теории истории XVIII–XIX веков. Виппер досконально владел знанием различных направлений в осмыслении исторического процесса и критически их оценивал, неизменно отдавая предпочтение идеям Дж. Вико.⁶ Именно Вико признал дедуктивный

характер исторической науки, он первым попытался показать, что история может стать наукой, столь же точной, как и геометрия, потому что создает из самой себя мир известных величин и строит сама себя из собственных элементов. Посему Вико провел водораздел между двумя типами историков. К первой группе он отнес историков, способных безбоязненно воссоздавать портреты целых обществ или групп людей — такие законченные и трехмерные, что, глядя на них, мы думаем, будто знаем, как жили тогда люди. Ко второй группе были отнесены историки — хранители древностей, летописцы, собиратели фактов и статистики (то есть материала для широких обобщений), говоря иначе, образованные компиляторы или теоретики, усматривающие в игре воображения первую ступень к ясновидению, гаданию на кофейной гуще, субъективности, журналистике или чему-нибудь похуже. Вико не боялся игры воображения при работе над историческим материалом, вслед за ним и Роберт Юрьевич тоже проявлял примеры научной смелости.

Много лет студенты с увлечением слушали в трактовке профессора Виппера историю Древнего Востока, курс по Эгейской культуре, историю Греции, Римскую историю, историю Римской империи, наконец, историю раннего Средневековья (Византия и арабский Восток) и историю позднего Средневековья. Ученого интересовали ранние цивилизации (введение в этнологию) и он стал читать лекции также по этой теме. Он создал авторские курсы лекций по Римской теократии и ее упадку, истории развития городов, истории сектантства, истории Реформации католической церкви, истории XVII–XIX веков. За долгие годы службы в стенах Московского университета профессор не раз бывал в научных командировках, трудился в библиотеках и архивах Европы. Главными работами этого важного периода своей жизни сам Виппер определял следующие: «Церковь и государство в Женеве XVI веке в эпоху кальвинизма» (М., 1894); «Очерки истории римской империи» (М., 1908); «Очерки теории исторического познания» (М., 1912); «История Греции в классическую эпоху» (М., 1916). Но помимо указанных работ профессор писал также учебные пособия для студентов университетов и для гимназистов младших классов.

Первая мировая война, кончина любимой супруги сказались на умонастроении ученого. Все происходившее в России его тяготило, не отступало предчувствие неминуемой катастрофы. Среди мотивов, причин эмиграции в Латвию можно назвать несколько. Но в биографии историка Виппера для меня до конца непонятен факт несоответствия (несоответствия, несим-

метричности) двух событий — мотивов отъезда из советской России, которую он рвался покинуть, и возвращения в Москву в середине мая 1941 года. Не просто возвращения, а почти триумфального возвращения. Но об этом ниже.

Возможно, первая причина отбытия из советской России — глубокое «национальное падение», свершившееся в октябре 1917 года. Смута в университетской среде — об этом Виппер не боясь писал в статьях 1917–1918 годов в газете «Утро России», и тем самым навлек на себя критические нападки, в частности, в газете «Социал-демократ» от 7 марта 1918 года.

В первые годы октябрьской смуты ученому пришлось пережить трагическую судьбу младшего брата — Оскара Юрьевича Виппера. Во время киевского судилища над Менахемом Бейлисом в 1913 году Оскар Юрьевич, занимавший должность товарища прокурора Петербургской Судебной Палаты, был направлен Министерством юстиции в Киев в качестве государственного обвинителя на процесс. Большевики вспомнили о киевском деле и решили устроить показательный суд, призванный «разоблачить лицемерие царского правосудия». В апреле 1919 года Оскар Виппер был арестован, вскоре свершился и сам процесс, в качестве обвинителя на нём выступал сам председатель Верховного ревтрибунала Н. Крыленко. Летом 1919 года Оскара Юрьевича приговорили к заключению в концлагерь, где он вскоре погиб.

В 1922 году вокруг Роберта Виппера атмосфера сгустилась особенно. Тогда в журнале «Под знаменем марксизма» была напечатана работа В. И. Ульянова (Ленина) «О значении воинствующего материализма», в которой Виппер был объявлен сторонником «теоретико-познавательного критицизма», связанного с достижениями экспериментальной психологии (эмпириокритицизм). Не отстали от Владимира Ильича и другие марксисты, громившие «буржуазного историка Виппера».⁷

Нельзя упускать из виду и еще одно затруднение. Возможно, в начале 1920-х годов возникли сложности с родителем невестки — некогда они были людьми состоятельными, держали фабрику, так писал Борис Робертович Виппер при заполнении анкеты в Латвийском университете.

Накопившиеся с октябрьского переворота 1917 года проблемы подвинули престарелого профессора Московского университета написать письмо в Ригу, в недавно созданный университет. Направленное в Совет университета Латвии прошение Виппера, датированное 23 августа 1922 года, сохранилось в Латвийском государственном историческом архиве. Профессор писал, что

желал бы вступить в число преподавателей по кафедре Всеобщей истории и указал 7 лекционных курсов, которые мог бы читать для латвийских студентов.

Роберт Виппер в сопровождении сына прибыл в Ригу только к началу учебного года в 1924 году. (Его сын, Борис Виппер, получил выгодное предложение из Латвийской Академии художеств.) 6 сентября Роберт Юрьевич занял должность внештатного профессора на факультете филологии и философии Латвийского университета (зарплата выплачивалась по ставке штатного профессора). Его первую, вступительную лекцию «История и современность» студенты услышали 13 октября 1924 года.

Только в 1928 году в Ригу переехала супруга сына Бориса Виппера с детьми. Внуки Роберта Юрьевича — Павел и Андрей — учились до 1932 года в частной школе О.Э. Беатер на улице Бривибас 40.⁸ В этой школе, кстати, учился Б. Инфантьев, дети из таких известных рижских семейств, как Кривошапкины и Дидковские.

До декабря 1929 года Виппер упорно сохранял советское подданство. Руководство университета шло навстречу профессору — он получил разрешение читать лекции на русском языке до 30 июня 1929 года, позже это послабление было продлено еще на 3 года. В 1926 году Комиссариат народного просвещения РСФСР, Правление 1-го Московского государственного университета от 5 октября 1926 года, № 7752 прислало в Ригу удостоверение за подписью Хапалова и Акимова, в котором сообщалось, что Виппер «в 1880 году окончил курс по Историко-филологическому факультету со степенью кандидата, 15 июня 1891 года принят в число приват-доцентов для преподавателей всеобщей истории». Випперу любезно присылались из Москвы документы и в июле 1934 года за подписью «и.о. директора МГУ товарища Кадека М.Г.».

9 июня 1932 года профессору Випперу чтение лекций продлили на 5 лет, поскольку молодой преподаватель М. Степерманис, по словам декана факультета, «не был готов читать лекции в полном объеме». Было продлено и его руководство кафедрой, хотя по уставу университета, те, кому за 70, должны были передавать свои дела молодым коллегам, — прекрасному лектору Роберту Випперу, чьи лекции посещались студентами и других факультетов, не нашлось достойной замены. Даже по прошествии нескольких лет, уже будучи на пенсии, Роберт Юрьевич преподавание все равно не оставил, читал лекции по периоду Нового времени (1492–1640).

С конца лета 1924 года до середины мая 1941 года отец и сын — Роберт и Борис Випперы — проживали в Риге на улице Блауманя. Они де-

ржались особняком в многочисленной, довольно пестрой российской эмиграции, ни с кем из русского общества дружеских отношений не поддерживали, и их присутствие не было замечено практически ни в одной русской организации того времени. (Но в обществах дружбы Швейцарии и при Советском посольстве Борис Виппер все же состоял.)

Приход 17 июня 1940 года на территорию Латвии войск Красной армии не принес неприятностей семье Випперов. Напротив, 29 октября 1940 года, по решению ректора ЛГУ Яниса Пашкевича, 81-летний Виппер был утвержден в должности руководителя кафедры всеобщей истории дополнительных исторических дисциплин. Деканом факультета в это время стал ученик Виппера — Маргер Степерманис. Отметим, что советская власть нашла также возможность использовать эрудицию профессора Бориса Виппера в деле ревизии музейных ценностей. Политические перемены в значительной мере затронули систему образования — волны репрессий в университете проходили несколько раз: 5 августа 1940 года ликвидировали теологический факультет, вскоре, 1 сентября, ректор университета сменил деканов факультетов, 15 октября — отстранил от лекций старую, неудобную новую власть профессуру. Кампания наказаний возобновилась при следующем ректоре — 10 февраля 1941 года новым ректором ЛГУ стал старый чекист Янис Юргенс, прежде руководивший в Москве Высшей школой народного комиссариата внутренних дел. Наконец, 14 июня 1941 года на восток СССР была депортирована большая группа бывших профессоров и преподавателей университета.⁹

Иная судьба была уготована Роберту Випперу, Борису Випперу и его семье — 7 мая 1941 года ректор ЛГУ Юргенс подписал приказ о том, что 15 мая 1941 года профессор Виппер освобождается от занимаемой должности в связи с отъездом в Москву по персональному вызову.

Все годы жизни в Риге над именами отца и сына Випперов витала паутина недо молвок и подозрений в связях с соответствующими органами Советской России. Особенно эти подозрения усилились с их отбытием в Москву. Ведь с лета 1940 года до 14 июня 1941 года многие русские эмигранты прошли через «беседы» в органах НКВД, которые заканчивались для них арестом, расстрелом, скорострительной смертью: генерал, писатель Ю. Галич-Гончаренко предпочел застрелиться, скорострительно скончался писатель П. Пильский, арестован книготорговец и издатель М. Дидковский, отправлен в лагерь исследователь латвийского староверия И. Заволоко, погиб депутат латвийского Сейма М. Каллис-

тратов, исчез А. Клизовский — горячий поклонник идей Н. и Е. Рерихов и т.д.¹⁰ Из представителей русской эмиграции в Латвии в Москву так никто не уезжал — почетно и со всей домашней утварью... Осознаю: чтобы решительно опровергнуть или, напротив, подтвердить подозрения в отношении семьи Роберта Виппера, требуются свидетельства не латвийских, а исключительно московских архивов.

История своя и история чужая.

I. История своя.

История Государства Российского не была темой научных изысканий Роберта Юрьевича, но «величайшая национальная трагедия», разворачивавшаяся на протяжении 1917 года, заставила взяться за перо.

В монографии «Иван Грозный» (М., 1922)¹¹, а также в сборнике статей «Круговорот истории» (Москва-Берлин, 1923) Виппер постарался постигнуть историю России и осмыслить суть «апогея национального падения». В критическом анализе отечественной истории Виппер не смог отказаться от идей Дж.Вико, не смог не оглянуться на историю античности как источник большей убедительности доказательного ряда. Об этом он написал в статье «Образовательное значение изучения античности»¹³. Критиков Виппера тех бурных послереволюционных лет помимо его настойчивого уклонения от марксизма, возмущала его тенденциозность, своего рода научная (гносеологическая) несвобода ввиду пристрастности к идеям Дж. Вико. Но профессор истории умел парировать оппонентам, у него был припасен убедительный контраргумент: «Русская история, кажется мне, изучалась очень долго точно какой-то процесс *sui generis* со своими особыми законами существования, так что первая аналогия, которую решил провести Н.П. Павлов-Сильванский, показали неслыханной ересью и были осуждены, как ненужность в науке, изучавшей русскую действительность. Так упорно не хотели пользоваться важнейшим ресурсом естественных сравнений, не хотели впускать в ученую камеру дневной свет».¹⁴ В величии падения Римской империи Виппер усмотрел величие падения империи Российской, в чертах развития средневековой Европы он искал приметы, черты будущего России.

Историк пытался взглянуть в глубину веков — во время, когда создавалась будущая империя. Изложить свое понимание логики развития государства за три — четыре века, предшествовавших национальной трагедии 1917 года. Вопреки известной позиции Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, Роберт Юрьевич нашел убедительные аргументы и решительно высказал положитель-

ное отношение к Ивану IV и его деду Ивану III. Историк сознательно защищал политические, экономические, военные деяния двух Иванов, двух правителей Московского государства, некогда создавших великую страну. В этом исследовании отечественной истории не особо скрывалась нелестная, порицательная характеристика деяний династии Романовых, особенно Петра I, отказавшегося от национальной самобытности в угоду решительному повороту к Западу. Такова была общественно-политическая позиция Виппера-историка. Несомненно, он осознавал, что в обращении Петра I к западноевропейским ценностям и технологиям содержалось желание вырвать Россию на качественно новый уровень военного, промышленного, культурного развития. Виппер не отрицает этого факта. Но какова оказалась цена осуществления этого желания?

В периоды правления Ивана III и Ивана IV, по словам Виппера, были созданы блестящие государственные формирования. В них чувствовалось присутствие зримой связи Московского государства с Византией, арабской культурой и античностью. И государственные устои пошатнулись в Московии, почти разрушились в XVI столетии не от внутренних причин, а под влиянием западноевропейской техники. По Випперу, напротив, Петр I — сознательный «неистовый протекционист со слепой верой в западную машину и в иностранную указку». Петр I, увы, сумел решительно расколоть российское общество, разобщить общество и государство, интеллигенцию и народ, чего не было в XVI веке! Историк настаивал: «Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий, образу жизни ближе к простолюдину своего времени, чем в наш демократический век товарищ-комиссар из полубразованных горожан к крестьянству».¹⁵ Все это — результат деяний Петра I. Катастрофа 1917 года, «без сомнения, составляет отдаленное последствие упадка национальной культуры», которое постепенно набирало силу с петровских времен. Уже в «XIX веке стерлись окончательно старинные традиции, развилась подражательность, утратились самобытные цели, ослабел пульс жизни».

Да, прошло два столетия, и деяния Петра I обернулись российской трагедией 1917 года. Размышления Виппера о Петре I в известной мере созвучны рассуждениям историков Ю.Ф. Самарина, В.О. Ключевского, культуролога Н.С. Трубецкого, богослова Г.В. Флоровского, философа Г.П. Федотова и историков 2-й половины XX столетия — Ю.Н. Афанасьева, Л.Н. Гумилева.¹⁶

Даже блестящие колониальные завоевания, сокрушался Виппер, Россия не сумела использовать для нужд нации. Тому приме-

ры — неуспех русификации Польши, Лифляндии, Финляндии. Политика русификация в них «была просто смехотворна». В XVI веке при слабой технике и количестве войск успехи Москвы в Ливонии были гораздо весомее. Да, индустриализация совершалась в России. Но к началу XX столетия страна заняла в ряду индустриально развитых государств, увы, межеумочное (промежуточное, половинчатое) положение: имея собственные колонии, отчасти сама превратилась в колонию, из-за которой спорили не только большие капиталисты — Франция, Англия и Германия, но вождественно «зарились и маленькие, разные бельгийские и шведские компании».¹⁷ Как итог — большевистский переворот. Коммунизм появился как явление протеста и возмущения против индустриальной системы.

В довольно эмоциональных рассуждениях Виппера, в уяснении, в проникновении в суть российской трагедии были решительно важны, по крайней мере, еще две узловые проблемы:

1. прогностическая функция исторического знания, степень достоверности предположений историка;
2. пути национального возрождения и факторы, наиболее способные стимулировать, влиять на этот процесс.

Стараясь найти решения первой проблемы, историк задавался вопросами о том, что есть национальная культура, влияет ли ее (национальной культуры) возраст на близость ее конца, что есть суть национального возрождения?

Может быть, в России наступила безвозвратная гибель национальности по причине ее ветхости? Историк выразил уверенность, что теории национального возрождения, по сути, повторяют христианское учение «о спасении ценой великих страданий».¹⁸ И, как последовательный виконанец, Виппер предположил, что сообразно круговороту истории эпоха средневековья в России неминуема, неизбежна. «В мире человеческом, — писал историк, — установлен вечный круговорот. Он открывается с событий в начале вещей и кончается последней катастрофой. Но закон мирового круга есть в то же время у каждого периода, каждой доли целого, он отражается в каждой капельке, чувствуется в биении каждого сердца. И вместе с тем закон этот в его символическом начертании изображен сияющими вечными знаками в мировом пространстве. Он составляет сущность исторического течения вещей, но он также стоит в виде сжатой обозримой глазом формулы».¹⁹

В «обновленной» России грядет наступление длительной эпохи средневековья, «долгий период одичания и варварства, с отказом от искусственной городской жизни и возвращению населения к земле, к нетронутым силам природы, с уходом в физическую животную жизнь для того, чтобы через долгие-долгие годы превратиться вновь опять в нечто похожее на национальное целое».²⁰ Может быть, политика империализма способна возродить Россию? Таким вопросом задавался Виппер и тут же давал решительный ответ: «Возврат к только что разрушенному имперскому могуществу, читай, империализму? Нет, невозможен».

Упадок некогда могущественной империи, послевоенная разруха, царившая в советской России, давали Випперу повод для таких предположений.

Во-первых, земли, которые постепенно начали собирать два блестящих московских монарха — Иван III и Иван IV — растащили лимитрофы — независимые государственные образования на периферии империи. (Виппер сознательно и последовательно игнорировал известные исторические факты о том, что именно при Петре I и его наследниках в сферу влияния России попала Лифляндия, Эстляндия, позже Польша, Курляндия, Финляндия). Накануне «апогея национального падения» — к 1917 году — «на сцене были видны все нации Европы, кроме одной, самой многочисленной — великорусской». Историк продолжал: Россия по своему территориальному могуществу к началу 1920-х годов была отброшена на несколько столетий назад, утратилось ее господствующее державное положение, внутренняя сплоченность.

Во-вторых, Виппером категорически отрицался исторический оптимизм. Историк горячо возражал марксистам и прочим историческим оптимистам: разруха, царившая в стране, не есть повод для феерического возрождения. Только диалектики-марксисты и подобные им воображают, что итогом величайшего разорения «должно получиться величайшее блаженство», что несчастье и разруха — залог оздоровления народного организма. Статью «Цех умственного труда и частная школа» из сборника «Круговорот истории» Роберт Юрьевич страстно писал под впечатлением радикальных разрушительных преобразований в социальном устройении российского общества. Глубоко ранила старого профессора ломка устоев университетской жизни: падение образовательного ценза студентов, пролетаризация студенчества, общедоступность высшего образования, наконец, политизация всего образовательного процесса. «Интеллигенция российская оказалась вне убогой схемы марксизма», — с горечью заключал Виппер. Теория марксизма — близорукая и непригодная для социального анализа, остаток устарелой романтики 1848 года. Реальная стратификация общества несравненно сложнее и не укладывается в плоскую марксову теорию классов.

Наконец, рассуждая о возможных путях национального возрождения, факторах, способных стимулировать и влиять на этот процесс, историк дал следующий ответ. Интеллигенция — это душа нации, она способна помочь обширным слоям рабочего класса выйти из тяжелого нравственного кризиса. Интеллигенция — это первый благодатный источник национального возрождения. Вторым мощным стимулирующим фактором будущего возрождения больной России должен стать женский вопрос — в подлинном социально-политическом, экономическом раскрепощении женщин залог будущего родины. Об этом историк написал в статье «Трагедия женского освобождения».²¹

Пришедшие к власти марксисты-ленинцы использовали на свой лад предложенные Виппером факторы для возрождения изнуренной революцией и гражданской войной страны. Еще в 1921 году ВЧК привлекла к ответственности за контрреволюционную деятельность большую группу видных представителей российской интеллигенции по делу «Петроградской боевой организации». Среди казненных были известные ученые и писатели, в их числе В.Н. Таганцев и Н.С. Гумилев. В 1922 году отплыл в Европу знаменитый «Философский пароход». Принудительная высылка за пределы родины — это еще была милость. Вскоре началась борьба с «буржуазной наукой», «буржуазными специалистами».

Вспомним — Шахтинское дело 1928 года, дело Промпартии 1930 года, дело Трудовой крестьянской партии экономиста А. Чаянова, громкое Академическое дело 1929–1931 годов — т.н. дело историков С.Ф. Платонова — Е.В. Тарле, писательское дело «Сибирской бригады» 1932 года и т.д. (О решении женского вопроса в СССР я не берусь писать.)

Да, уважаемый читатель, чуть не забыла! В вопросе о «прогностической функции исторического знания, степени достоверности предположений историка» Виппер оказался, увы, не на должной высоте. Последовательный викониненец, предрекавший новой России средневековье, из-за границы, через газетные отчеты «наблюдал» бурные, порой кровавые, процессы принудительной коллективизации и ускоренной индустриализации. А в 1940 году 17 июня он наяву узрел возрождающийся имперский, с советской закваской, дух.

II. История чужая, ставшая своей.

С осени 1924 года началась новая веха в жизни профессора Виппера. Зорким оком стороннего наблюдателя оценил состояние исторической науки в стенах Латвийского университета и сумел найти свою научную нишу. За несколько лет до своего приезда в Латвию Роберт Юрьевич написал: «Общественная наука, в конце концов, есть автобиография общества. С течением времени автобиография не только добавляется новыми главами; она постоянно и на всем своем протяжении перерабатывается с новых точек зрения. Эти постоянно обновляемые точки зрения — вовсе не досадный придаток, вовсе не «зло» субъективизма. Они составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки».²² Несомненно, новую автобиографию Латвии историк Виппер постарался написать. Так совсем недавно еще *чужая* история — история «осколка» Российской империи, история лимитрофа — стала Випперу *своей*. И в этом он проявил себя не столько как дояльный эмигрант, сколько как последователь идей не раз упомянутого Вико. Мало кто помнит, но именно Вико, а не Гердер, впервые в истории европейского гуманитарного знания предложил внимательно относиться к локальным культурам, их истории, иерархии ценностей, своеобразию языка, поднять на щит вклад локальных культур в общечеловеческую культуру.

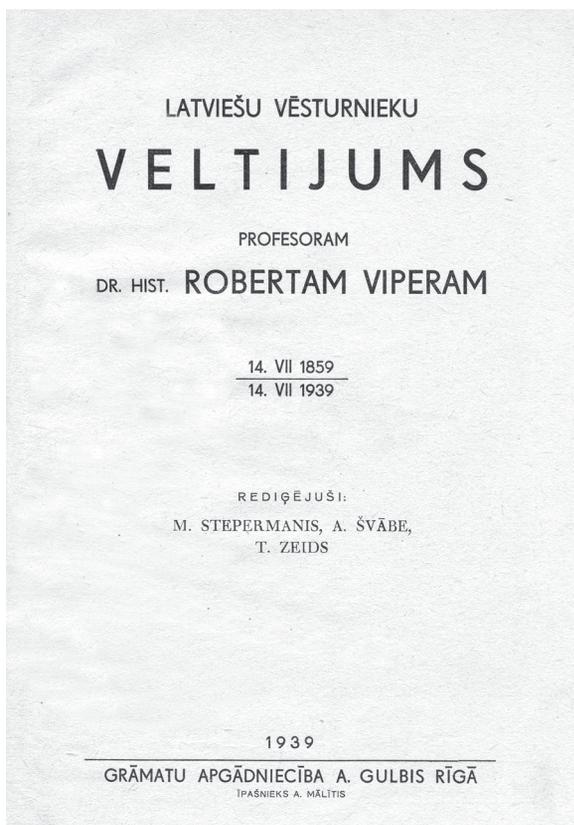
Профессор Виппер вошел в историческую науку Латвии как опытный исследователь рижских архивов, который сумел найти интереснейшие материалы по эпохе Просвещения в Лифляндии. Как писал М. Степерманис, большая эрудированность профессора позволила

обратиться к источникам, которые раньше считались малоценными и незначительными. Он не только исследовал их, но и старался осмыслить содержание ценных исторических свидетельств, сравнить их с иными документами соответствующего периода — как латвийскими, так и европейскими. Работал над источниками с большой симпатией к латышскому народу, тщательно исследовал историю крестьянского вопроса.²³

Знающий читатель сразу же задаст вопрос: «Что нового в разработках Виппера? Использовал ли Виппер написанное Гарлибом Меркелем, Юрием Самариним»? На второй вопрос ответу однозначно — историк предпочел не упоминать ни Меркеля, ни Самарина. Ссылаясь он на разработки Страсбургского профессора Кнаппа (Johann Georg Knapp), на его работу «Отмена крепостного права» (Sugenheim, Die Aufhebung der Leibeigenschaft), изданную в Петербурге в 1860 году, накануне крестьянской реформы в России. Впрочем, профессор Виппер опирался и на более поздние работы Кнаппа, к примеру «Освобождение крестьян в восточных регионах Пруссии», также и на публикации его ученика Иоганна Фукса (J. Fuchs).

Думается, что новизна в статьях Виппера по крестьянскому вопросу в Лифляндии заключается в том, что историк вывел своего рода некую историческую «формулу», повторяя и обыгрывая этот материал в выступлениях, публикациях на латышском, немецком, русском языках.²⁴ Необремененный предвзятостью, свободный от предрассудков бывший российский профессор признал достоинства неизвестных, забытых документов. Тем более критично оценил претензии потомков немецкого рыцарства, апелляции в XX столетии к средневековым юридическим актам для доказательства их прав для крепостного закабаления крестьян. Несомненно, эти разработки шли вразрез с устоявшимися представлениями немецкой историографии о том, что крепостное право было необходимо для экономического прогресса и пошло на пользу самим латышам. Опытный историк не просто перечислил известные политико-экономические и юридические документы: Привилегии 1561 года Сигизмунда Августа, документ шведского короля Густава-Адольфа от 1629 года, Аккордные пункты Петра I, наделившие особыми привилегиями немецкое дворянство. Виппер взял на себя смелость выделить названия документов и имена авторов правовых текстов, придавших со второй половины XVI века до конца XVIII века уничижительному закабалению крестьянства respectable юридически оформленный акт.²⁵ Им были перечислены представители немецкого дворянства, имена которых местные немецкие историки по полити-

ческим соображением предпочитали тщательно хранить в тиши рижских архивов. Среди прочих составитель Лифляндского земельного правового кодекса Давид Хильчен (David Hilchen), Энгелбрехт фон Мегдем (E. Mengdem), блестящие юристы первой половины XVIII столетия барон фон Будберг (Budberg) и фон Шрадер (Schrader). Виппер неустанно доказывал, что на рубеже XVI – XVII веков, после бурных, кровавых сражений, немецкому дворянству удалось укоренить последующее двухвековое закабаление свободных земледельцев. Со временем институт крепостного права стал походить в Латвии на древнеримское рабство. Таково было заключение Р. Ю. Виппера

Кстати, после первой публикации по крестьянскому вопросу на Виппера обрушился вал критики: немалое число книг, газетных полос конца 20-х—30-х годов сохранили следы бурной полемики немецких историков и публицистов, категорически несогласных с профессором Виппером. Решительно возражали и критиковали Виппера Л. Арбузов, А. Транзе-Росенек (A. von Transene-Rosenek), Х. Римша (H. von Rimscha), В. Вулфиус (W. Wulffius), Я. Паулс (J. Pauls).

Повторю, что в научных изысканиях Виппер, к сожалению, обошел вниманием Меркеля, а тем более Самарина. Известно, что в работах Меркеля имелась известная прорусская тональность, а Самарин и вовсе писал свои политико-публицистические работы о положении Лифляндского крестьянства, обладая как глубоким

знанием исторических документов, так и полемически острым осмыслением недавних или текущих событий. Несомненно, его авторским правом было особо выделять, по приему контраста, имена тех немецких лютеранских пасторов-просветителей, людей передовых взглядов, кто сомневался в легитимности закабаления крестьянства. Вот их имена: Иоганн Эйзен, Хенрик Яннау, барон Шульц, юрист Эрик фон Мек, Август Хупель, писатель Вильгельм Фрибе.²⁶

Еще раз задам вопрос: «Насколько, в какой степени непростая история Латвии обрела для Виппера статус *своей* истории»? На этот вопрос ответить объективно невозможно. Думается, историк умело приспособился к обстоятельствам жизни в Латвии, смог сохранять критический дух своих работ, направленный в адрес германофильской историографии, но в лице латышских коллег встречал участие и содействие. В его тексты на латышском языке вошла новая лексика. Если еще в 1922–1923 годах в Советской России он мог с горячностью, преисполненный имперских амбиций, уничижительно писать следующее: «Новообразования последнего времени — все эти Эстонии, Латвии, Польши, Чехо-Словакии, Грузии, Азербейджаны — откидывают нас сразу на 3 — 4 века назад». ²⁷ По приезду в Латвию историк усвоил политкорректную лексику: Латвия стала именоваться «Māras zeme», а ее история — историей земли Святой Марии — «Māras zemes vēsture».

В имперской России Випперу еще в 1900 году позволительно было проводить смелые параллели: «Мы склонны думать теперь скорее, что церковь никогда не стояла в стороне от других социальных форм; что церковь в каждую эпоху воспроизводила и повторяла в своей среде современное ей общество в его экономических и культурных чертах. Церковный строй был магнатский и феодально-крепостной в эпоху сеньората; в нем выдвинулись демократические элементы и формы денежного хозяйства в эпоху городского развития и т.п.». ²⁸ А в 1905 году, размышляя об общественно-политических взглядах Грановского, профессор Виппер затронул нашумевшую в Германии в первой половине XIX столетия книгу Давида Штрауса (D. Strauss). Сочинение Штрауса характеризовалось им как безжалостное, страшное, разрушительное. ²⁹ Это в России можно было писать фразы типа «официальное православие, непросвещенное и бесцветное, лишенное всякого лика и воли». Это в 1918 году в Москве в издательстве «Фарос» стало возможным публиковать уже сдержанно-критическую работу «Возникновение христианства».

В Латвии, напротив, его научные позиции и взгляды по вопросу истории христианства

смягчились (изменились, переродились). Возросшая в сознании Вишпера к 1918 году критичность в отношении истории христианства, православия в России в Латвии умерилась и ослабла. Прочность позиций лютеранства и католицизма в Латвии учитывалась историком. В 1927 году профессор в статье на латышском языке писал: «Долгие столетия христианская церковь была защитницей Европейских народов, их воспитательницей и управительницей. Это для вас великолепный пример того, как управляло правительство интеллигенции целой частью земли, целыми народами. Кто же другой как не интеллигенция становилась папами, управлявшими паствой только духовной силой, опираясь на учение философов и диалектиков, и открывшими в Европе университеты?»³⁰

В Латвии оценка Ливонской войны, деяний Ивана Грозного, да и его деда Ивана III, также стала более чем сдержанной. Иван III характеризовался Вишпером как горячий противник привилегий торговцев Ганзейского союза, реально планировавший захват берегов Балтии. Первая Ливонская война 1501—1502 годов втянула «наши земли» в эпоху империализма. Да, война была выиграна Плетенбергом благодаря его незаурядным способностям полководца.³¹ Но Ливонии как государству оставалось существовать не очень долго. Писать, что «судьба Ивана IV — настоящая трагедия завоевателя, который сорвался на слишком крупной игре за новую Ливонскую колонию», профессору Латвийского университета Вишперу было явно непозволительно. Как предосудительно было рассуждать о том, что «усиленное внимание к жестокостям Грозного, суровый уничтожающий нравственный приговор над его личностью, склонность судить о нем, как о человеке психически ненормальном, все это принадлежит веку сантиментального просветительства и великосветского либерализма. Поэтому едва ли у кого найдешь более беспощадную оценку Грозного, чем это сделал Карамзин — самый яркий в России историк и публицист эпохи просвещенного абсолютизма, который пишет отрицательную характеристику Ивана IV как бы для того только, чтобы оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его *великой бабки*, монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу».³²

В небольшой работе 1940 года «*Vēstures lielās problēmas*» («Большие проблемы истории»), исследуя вопрос империализма, историк позволил себе в сослагательном наклонении поразмышлять, предположить, что стало бы с правами ливонского рыцарства, каково было бы положение крестьянства, если бы в Ливонской

войне победу одержал Иван Грозный. Права немецкого рыцарства, полученные от епископа и от ордена, вряд ли получили бы подтверждение. Да и рыцарство не пожелало бы стать слугами русского царя, поскольку свободу ценило более всего. Да и ливонские крестьяне не получили бы никаких благ от Московского государства, «чье устройство было слишком варварским». Ведь завоеванные земли Ливонии рассматривались как источник рабочей силы, с которых крестьяне переселялись в центральные районы и в южное порубежье государства, а в ливонские земли, напротив, завозились жители центральных районов Московии.³³

Но вот что осталось неизменным в трудах Вишпера латвийского периода, так это критические оценки широкого круга мыслителей XVI—XIX столетий по вопросам осмысления сути исторического процесса Вико, немецких и французских просветителей, социолога Конта, Гегеля, Спенсера, Маркса.

Не изменилось также отношение к интеллигенции. Роберт Юрьевич, обращаясь к национальной интеллигенции, в точности повторил цитату из своей статьи 1912 года о высоком предназначении просвещенной интеллигенции в обществе. Историк цитировал строки Евангелия от Матфея (Мф. 5, 13): «Вы — соль земли; если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон, на поприще людям. Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник, и светит всем в доме». И далее: «Едва ли найдется в мировой литературе другое обращение к обладателям знания, в котором так громко звучало бы настойчивое и горячее требование просветительства».³⁴

Заключение

Для работы над данной статьей я обратилась к двум изданиям. Во-первых, к сборнику статей «*Latviešu vēsturnieku vērtējums profesoram Dr.hist. Robertam Viperam*», изданному владельцем издательства «*Grāmatu apgādniecība A. Gulbis*» А. Малитисом (А. Mālitis) в 1939 году в Риге. В редакционную коллегию издания вошли три историка — Маргер Степерманис (1898–1968), Арвед Швабе (1888–1959) и Теодор Зейдс (1912–1994), и помимо названных историков авторами статей стали Л. Адамович, Я. Берзиньш, А. Тентелис и др. Сборник был посвящен 80-летию Роберта Юрьевича Вишпера, профессора истории Латвийского университета. Статьи юбилейной книги, помимо биографических моментов, так или иначе были посвящены научным пристрастиям юбиляра — крестьянскому вопросу,

который интенсивно и глубоко разрабатывал профессор, будучи в Латвии. Также не остались без внимания вопросы законов истории и картографии, судьба просветителя Эрика Иоганна фон Мек и страницы заката Римской истории, идеология оборотней и подробности эпидемии чумы в Лифляндии в 1710 году и т.д.

Во-вторых, я прочла 13-й том трудов Комиссии историков при президенте Латвии. В нем рассказывается о положении высшей школы в годы перемен в начале 1940-х годов, о репрессиях, которым подверглись многие профессора, преподаватели университета. Судьбы авторов юбилейного сборника в честь Р. Виппера заслуживают внимания. Через неполные год — полтора года судьбы многих из них круто изменились. Так профессор теологического факультета ЛУ священник Людвиг Адамович (1884–1943) был выслан с семьей в товарном вагоне 14 июня 1941 года, позже расстрелян без суда и следствия. Директор Государственного архива приват-доцент ЛУ Янис Берзиньш (1883–1941) в конце июня 1940 года изгнан с должности директора, осенью 1940 года его вынудили покинуть исторический факультет, и вскоре он скончался.³⁵ Выпускник Петербургского университета историк Август Тентелис (1876–1942), некогда декан факультета филологии и истории ЛУ, ректор ЛУ, министр образования, директор Института истории, редактор журнала, чудом избежал высылки 14 июня 1941 года, хотя значился в списках. Вскоре его не стало. Соредактор юбилейного издания профессор Арвед Швабе в 1944 году уехал в эмиграцию, и до конца 1980-х годов его имя практически не упоминалось в латвийской историографии.³⁶ Семье Випперов судьба благоволила. По возвращении в Москву Роберт Виппер и его сын Борис успешно продолжали научную работу. С сентября 1941 года Роберт Юрьевич — опять профессор МГУ и научный сотрудник Московского института философии, литературы и истории. В конце 1941 года ему пришлось уехать в эвакуацию и до лета 1943 года быть профессором Среднеазиатского университета в Ташкенте. Престарелому историку достались почетные советские награды: в 1944 году он получил орден Трудового Красного Знамени и через год — орден Ленина. Вернувшись в Москву, до декабря 1954 года он значился старшим научным сотрудником Института истории АН СССР (Москва), до 1950 года читал лекции в МГУ.

Конечно же, старый ученый, как того требовали «правила игры» с советской властью, пришел к признанию марксистско-ленинской философии в качестве единственно верного метода научного познания. Более того, он стал «воинствующим материалистом», как этого требо-

вал от него сам В.И. Ленин. Если не оправдалась теория круговорота в истории России в XX столетии, как предполагал Виппер, то круговорот его личной жизни, думается, осуществился вполне.

(Endnotes)

¹ Джамбаттиста Вико (1668–1744) — профессор Неаполитанского университета, глубокий знаток античной, Римской истории, автор труда «Основания новой науки об общей природе наций». Богатство истории Древнего Рима вдохновила Вико к созданию в Новое время модели исторического познания — так называемого круговорота, колеса истории или циклического развития общества. Вико был последовательным противником идеи неуклонного прогресса человечества. Неаполитанский профессор пытался выявить «вечный и неизменный порядок вещей», говоря иначе, стремился историческую осведомленность, всезнание, знаточество сделать знанием достоверным и открытым, наконец, законы самого исторического процесса. Виппер неоднократно писал работы по осмыслению проблем исторического знания. Первым автором был Вико, всегда поражавший Виппера «удивительным историческим реализмом». Кстати, поклонником идей Вико был также наш соотечественник Исайя Берлин, не единожды писавший о замечательном неаполитанском ученом.

² См. более подробно: Л. Чухина. Гарлиб Меркель как мыслитель-гуманист // Коммунист Советской Латвии, 1975, № 10; Garlībs Merkelis. Izlase. Rīga, Liesma, 1969.

³ Ю.Ф. Самарин (1819–1876) — славянофил, историк, политический писатель, деятельный участник рижской комиссии 1846–1848 годов «По улучшению быта Лифляндских крестьян» по линии Министерства внутренних, автор «Писем из Риги», «Истории Риги», «Окраины России. Русское Балтийское Поморье». Шестой том «Окраин России» назывался «Крестьянский вопрос в Лифляндии», был напечатан в берлинской типографии весной 1876 года. Биографы Самарина, подвергая сомнению некоторые положения Балтийской серии, тенденциозность ее стиля, тем не менее, сходятся в том, что славу его жизни составило участие в подготовке крестьянской реформы в России, глубина и обстоятельность знания крестьянского вопроса в Лифляндии. Таково мнение Б.Э. Нольде (Юрий Самарин и его время. Париж, 1926), Б.Н. Чичерина (Воспоминания. М., 1991), Э. Андерсона (Latvju Enciklopēdija. Rokville, 1990. 4 sēj.). В 1923 году решением Латвийского правительства одной из улиц Московского форштадта Риги присвоили его имя. В том же году имя Гарлиба Меркеля появилось в центре латвийской столицы. При Советской власти Самаринскую улицу предпочли переименовать в улицу Ломоносова, улице с именем Меркеля, напротив, было суждено дожить до сего дня.

⁴ Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr.hist. Robertam Viperam / red. M. Stepermanis, A. Švābe, T. Zeids. Rīga, Grāmatu apgādniecība A. Gulbis, 1939.

⁵ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Москва, издательство Московского университета, 1976. С. 7.

⁶ К примеру, упомяну книги Виппера: «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. В связи с общественным движением на Западе». М., 1908; «Очерки исторического познания». М., 1911. «Vēstures lielās problēmas». Rīga, 1940.

⁷ Кареев Н.И. Рец. на кн.: Виппер Р.Ю. Кризис исторической науки. (Казань, 1921) // Педагогическая мысль, 1922. С. 81; Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под Знаменем Марксизма, 1922. № 3, С. 8; Кареев Н.И. Профессор истории в круговороте жизни. Р. Виппер. Круговорот истории. Изд. «Возрождение». (Берлин, 1923) // Под Знаменем Марксизма, 1924. № 1. С. 262; Покровский М. Проф. Р. Виппер о кризисе исторической науки // Под Знаменем Марксизма, 1922. № 3. С. 34; Фридлянд Ц. Круговорот про-

фессора истории // Печать и революция, 1923. № 6. С. 9.

⁸ Архив рижской русской школы О. Э. Беатер для детей из этнически смешанных семей. См.: ЛГИА, фонд 3195, в описи 1 сохранилось 58 дел, относящихся в основном к до-революционному периоду.

⁹ См. более подробно: Jānis Stradiņš. Totalitāro okupācijas režīmu represijas pret Latvijas zinātni un akadēmiskajām aprindām (1940. – 1945.) // Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940. – 1964. gadā. Latvijas Vēsturnieku komisijas 2003. gada rēķījumi. Latvijas vēstures institūta apgāds. Rīga, 2004. 13. sējums. 130. – 160. lpp.

¹⁰ Абызов Ю., Плюханов Б., Тайлов Г. Мартиролог // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, Авена-риус, 1994. С. 97 – 121.

¹¹ Эта книга вызвала недоверие и критику специалистов по русской истории. См. более подробно: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время, С. 137.

¹² Виппер Р.Ю. Круговорот истории. Москва-Берлин, Возрождение, 1923. С. 78 – 109.

¹³ Виппер Р.Ю. Национальность и культура // Круговорот истории. Москва-Берлин, Возрождение, 1923. С. 76. Далее Виппер писал: «Одновременно и по той же причине обрезывали все нити, которыми русская история связана с историей других народов; русская история никогда не трактовалась, как составная часть всемирной, а ведь она – очень крупная, очень важная и характерная часть всемирно-исторического круга событий. (...) Что касается русской истории (...) напрасно было бы думать, что западные народы ближе примыкают к культуре древнего мира, а мы точно какие-то варвары дальше стоим от этой самой старины и начинаем свое существование с прозвания варягов. (...) Без сомнения, наша своеобразность именно в нашей связи с Азией. Только опять было бы ошибкой азиатство рассматривать исключительно, как варварство. Там сложная, глубокая своей стариной культура, в которой историк может много почерпнуть аналогий». Там же, С. 77.

¹⁴ Виппер Р. Ю. Круговорот истории, С. 12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Наиболее емко выразил общее настроение Г. П. Федотов: «Петру удалось на два века расколоть Россию: на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества) – та пропасть, которую пытается завалить своими трупами интеллигенция XIX. Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной. Но дух, который вкладывается в эту формулу, менее всего народен. Православие в виде отмеренного компромисса между католичеством и протестантством, в полной неведении мистической традиции восточного христианства; самодержавие, понятное, как европейский абсолютизм, народность, как этнография». См. также: Ковальчук С. Тема «Россия – Запад» в контексте истории Латвии. // *Диена*, 1995 г. 14 и 21 января.

¹⁷ Виппер Р.Ю., Круговорот истории, С. 20.

¹⁸ Там же, С. 59. Виппер продолжает размышление таким образом: «Когда разгромлены дружины борцов за единство народа, общество начинает воплощать свои видения, создает коллективный образ народа-страдальца, окружает его чертами лучезарной святости. Возникает представление, что народ-мученик, искупив свои собственные грехи, станет спасителем других; погибшие за родину подвижники словно воскреснут и придут во славе в лице победителей». Там же, С. 58.

¹⁹ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки // Сб. статей и публичных лекций 1900–1912. Москва, 1912. С. 188.

²⁰ Там же, С. 14.

²¹ Статья написана на основе осмысления труда Иоганна Якоба Бахофена (Johann Jakob Bachofen) (1815–1887) швейцарского ученого-этнографа юриста и антиковеда «Теория материнского права» (Mutterrecht und Urreligion), впервые в

Новейшей истории поставивший вопрос о матриархате.

²² Виппер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки, С. 142.

²³ *Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr.hist. Robertam Vīperam*, 17., 18. lpp.

²⁴ Предлагаю сравнить тексты статей разных лет: *Dzimtbūšanas laikmeta dokumenti Vidzemē // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1927. № 1, № 2; Morāliskas katastrofas un morāliskas slimības Eiropas sabiedriskajā dzīvē // Latvijas Universitātes raksti / Filol. un filos. fakultātes serijs, 1933. II sēj.*

²⁵ *Vīper R. Dzimtbūšanas tiesību kodifikātori Vidzemē // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1930. № 9;*

²⁶ *Vīper R. Vidzemes apgaismotāji XVIII gadsimtēn // Latvieši, 1932. II sēj.*

²⁷ Виппер Р.Ю. Круговорот истории, С. 30.

²⁸ Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки, С. 46.

²⁹ Там же, С. 221. В послевоенный период при исследовании вопроса о подлинности христианских текстов Виппер занял позиции воинствующего атеиста. Тому свидетельство монографии «Возникновение христианской литературы (М., 1946), «Рим и раннее христианство» (М., 1954). Более того, в своей работе Виппер использовал резко порицательную аргументацию христианских ценностей Анджее Немоевского (A. Niemojewski), опирался на работы Давида Штрауса, Бенжамена Смита (W. B. Smith), Эрнеста Ренана (E. Renan), Адольфа Гарнака (A. Harnak).

³⁰ *Vīpers R. Inteliģences vēsturiskā loma // Burtnieks, 1927, № 3., 177. lpp.*

³¹ *Vīpers R. Vēstures lielās problēmas. Rīga, 1990. 129. lpp.*

³² Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922. С. 88, 108. Еще одно характерное размышление Виппера: «Для национальной энергии великорусов 16 века очень характерна политика Грозного в Ливонском крае, восточной половиной которого с Нарвой и Дерптом Москва владела в течение 20 лет. Если принять во внимание тогдашнюю редкость населения, неразвитость путей сообщения, техническую отсталость от Запада, – какую удивительную энергию проявила Москва в колонизации, торговой и земледельческой, какой напор и какую ценность в распространении своей национальной веры и языка! И как жалки в сравнении с этим попытки русификации того же Ливонского края в конце XIX века, когда великая империя, выстроенная на европейскую ногу, обладала громадными техническими, военными, финансовыми ресурсами!» Там же, С. 64 – 65.

³³ *Vīpers R. Vēstures lielās problēmas, 130., 131. lpp.*

³⁴ *Vīpers R. Inteliģences vēsturiskā lomā, 176. lpp.*

³⁵ Показательна в этой связи судьба приват-доцента Отделения истории Яниса Берзиньша, возглавлявшего с 1925 года Латвийский государственный архив. В конце июня 1940 года он вынужденно оставил пост директора архива. Включение его осенью того же года в число преподавателей университета длилось не долго. Уже в марте 1941 года декан историко-филологического факультета ученик Виппера – М. Степерманис – направил письмо ректору с желанием «вычеркнуть из списка сотрудников бывшего лектора факультета Яниса Берзиньша». Через месяц Янис Берзиньша не стало. См. более подробно: Ковальчук С. Янис Берзиньш // *Покровское кладбище. Слава и забвение. Рига, Multicentrs, 2004. С. 162 – 163.*

³⁶ Судьба других авторов юбилейного випперовского сборника такова. Дипломат Альфред Билманис (1887–1948) – выпускник 1910 года отделения истории Московского университета, слушал лекции Виппера. Стал в 1932–1935 годах посланником Латвии в советской России, а с 1935 года и до своей кончины был главой дипломатического корпуса Латвии в США. Арнольд Спекке (1887–1972) – выпускник Московского университета 1915 года по отделению филологии, историк и дипломат. Молодой историк Эдгар Дунсдорф (1903–2002) стал профессором Мельбурнского университета, соавтором А. Спекке в исторических исследованиях.